

или насилием — ему удалось создать новый быт, он первый почувствовал бы себя чуждым и одиноким в атмосфере этого быта, ибо, в сущности своей, он не социалист, даже не пресоциалист, а — индивидуалист. Он относится к людям, как бездарный ученый к собакам и лягушкам, предназначенным для жестоких научных опытов, с тою, однако, разницей, что и бездарный ученый, мучая животных бесполезно, делает это ради интересов человека, тогда как революционер сего дня далеко не постоянно искренен в своих опытах над людьми. Люди для него — материал, тем более удобный, чем менее он одухотворен. Если же степень личного и социального самосознания человека возвышается до протеста против чисто внешней, формальной революционности, революционер сего дня, не стеснясь, угрожает протестантам карами, как это делали и делают многие представители очерченного типа. Это — холодный фанатик, аскет, он оскোпляет творческую силу революционной идеи и, конечно, не он может быть назван творцом новой истории, не он будет ее идеальным героем. Может быть, его заслуга в том, что, разбудив в человеческой массе древнего жестокого зверя, он этим приблизил смерть звериного начала? Жестокость утомляет и может, наконец, внушить органическое отвращение к ней, а в этом отвращении — ее гибель. Мы, кажется, начинаем воспитывать в себе именно физиологическое отвращение ко всему кровавому, жестокому, грязному — нужно, чтобы это отвращение росло, чтобы оно стало идиосинкразией большинства.

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Борис Петров. Граф за три копейки: сборник рассказов. М.: Дикси пресс, 2018. — 144 с. — (Серия «Современная новелла»).

Реализм, лирика, фантазмагории, сюрреализм, жестокость и нежность. И всегда неожиданный и непредсказуемый финал, иногда открытый, тогда читателю самому предстоит выбрать вариант развязки сюжета. Двадцать один рассказ, и в каждом за внешним ходом событий скрытое «подводное течение». Забавное и смешное может обернуться маленькой трагедией, как в рассказе «Попугай», где три юных лоботряса (два юноши и девушка) начинают подражать взъерошенному, пыжащемуся на жердочке попугаю, полагая, что пыжиться — значит быть уверенным, проникнутым чувством собственного величия. Меняются роли: в процессе игрищ самоуверенный инициатор оказывается в подчинении своих нерешительных друзей. Игру прерывает смерть попугая. Пыжится, величие, смерть — выстраивается многозначная логическая цепочка. Иногда страшное оборачивается смешным, как в рассказе «Ошибка», где герой, услышав утром звонки в домофон, бежит из своей квартиры через черный ход, спасаясь от неминуемого ареста, — накануне коллега сказал, что о нем вчера спрашивали. И вот он в электричке. «Он еще долго трясся, пока грубые, но добрые люди не уняли слегка страх горькой водкой, и он не решился включить айфон. Только тогда жена, прилетевшая рано утром с курорта, смогла прозвониться и закричать, что он свинья — не встретил их, хоть и обещал: наверняка пил и мотался по бабам; а если уходишь из дому, то хоть ключи оставь у соседей, потому что она с детьми никак не могла попасть утром домой, топталась у подъезда, как дура, и слушала, как кто-то тяжело сопит в домофон». Каждый рассказ — это тончайший психологический этюд. В них мужественные герои могут оказаться мелкими рвачами, а зануды стать великими путешественниками, женщины — бросить благополучный быт и сбежать от мужей в «манящую даль», в экзотические страны или даже в ссылку с любимым человеком, чью блистательную судьбу сломала доношительская «рецензия» ревнивого мужа. Страшноватым сюрреализмом в духе Сальвадора Дали

наполнены рассказы «Странная история одного новосела», «Исчезновение прохожего», «Мамина сиеста»; злой сатирой сдержанный по тональности рассказ «Реквием по соратнику». Действие всех рассказов происходит в наше время, и неудивительно, что в рассказах прорываются — очень по-разному — отзвуки Донбасса. Замечательны рассказы о хрупком мире детства, когда взрослые могут либо растоптать веру своих детей в чудо, либо поддержать их мечту. «Я хочу, чтобы ты крепко стоял на ногах и вырос достойным уважения человеком», — заявляет любимому сыну отец, убежденный, что держать язык за зубами безопасней, и запирает в чулан маленького упрямого, твердящего, что будет чудо. Чудо произойдет, но отец не найдет в чулане сына. Жив ли мальчик («В ожидании чуда»)? Мальчик и девочка, обитатели унылой окраины, мечтают о лесе, что в нескольких кварталах от их дома. Девочка помнит, как она жила в другом районе, где лес подступал прямо к дому. «И это было здорово и весело, потому что можно открыть окно и вылезти прямо на ветку, а с нее — на другую ветку, и так путешествовать, не спускаясь на землю, и облезть весь мир. А еще в лесу можно играть в прятки с сыроежками, хотя приходится все время быть в роли вожака, но это нисколько не утомляет; можно найти солнечную поляну, раскинуть руки и упасть на спину, и совсем не больно, потому что трава там очень мягкая и пружинит, только мама потом ругается, потому что платье измазано». Одноклассники подвергли мечтателей обструкции, и родители мальчика запретили ему общаться с девочкой, ведь ненормально, когда у сына нет других друзей. Послушный мальчик прервал дружбу, семья девочки переехала, а мальчик вырос и стал уважаемым, перспективным юношей. Однажды он все-таки отправился в лес, но тот не пустил его в зеленую чащу, «давил, гнал назад, шелестел сумеречными кронами: — уходи к себе, ты здесь чужой». «Мокрая ветка хлестнула по лицу, и, прирученный двором давать сдачи, испуганный молодой человек ударил в ответ и стал обозлено лупить по деревьям; ему казалось, что он борется с гигантом, хотя он скакал, кричал и молотил лишь воздух и кору. Юноша бился, пока не расшиб руки в кровь, и отступил, пораженный и обессиленный, но перед тем, как окончательно ему уйти в город, солнечный зайчик больно ударил по глазам, словно пнул побежденного» («Мальчик, девочка и лес»). Детству посвящен и рассказ «Граф за три копейки». Молодой человек у постели умирающего отца вспоминает, как в детстве он и его веснушчатая подруга искали клад в бывшей графской усадьбе: «Я тыкал в деревянный прах саперной лопаткой, пугая мышей, а ты дышала в затылок и сопела веснушками, шелестела медовыми волосами». И теперь, по прошествии лет, уже неважно, что дом принадлежал не графу, а купцу, что легенду о графе, зарывшем сокровище, выдумал отец, что нашли они лишь шкатулку с тремя копейками 1975 года. Важно, что было детство и была мечта. «Давно разобран дом о двух реках, обмелела темная глубокая вода, исчезли у берегов березы, переехали в город деревенские мальчишки. Нет и никогда не существовало сердитого барина в стеганом халате, и веснушки не дрожали рядом с моим плечом — любил ли я? Замечательный дом — фантом, как графский призрак, как детство, растворенное в закате; вглядываешься и не видишь ничего, кроме сполохов на воде, кроме зубчатой линии сосен и катящегося за лес неба». Борис Петров не навязывает читателю морали, но своими рассказами будоражит ум и волнует душу. А чудную чистоту его языка можно оценить по цитатам.

Семен Экштут. Империи последние мгновенья: Театр марионеток в 16 картинах с прологом и эпилогом. СПб.: Нестор-История, 2018. — 312 с.

Историк Семен Экштут отвечает на вопросы, кто виноват, что произошла Великая русская революция, и можно ли было ее предотвратить, ищет в мемуарах, многие из которых увидели свет только в 2017 году, в российских газетах от 1 января 1917 года,

в произведениях русских классиков. Художественная литература и воспоминания разноплановых персонажей «театра исторических действий» — от масштабных фигур первого плана до незаметных героев эпизода — дают рельефную картину «России, которую мы потеряли». Ответы на извечный русский вопрос «Кто виноват?» разнятся. Князь Л. Урусов уподобил большевиков болезнетворным бациллам, неожиданно поразившим здоровый и полный сил организм России. Великий князь Александр Михайлович разносчиками заразы назвал русскую аристократию и интеллигенцию. Бюрократ крупного калибра А. Куломзин (председатель Государственного совета с 1915 года по 1 января 1917-го) главной причиной смуты считал бездарную деятельность правительства. Н. Желиховская, жена генерала Брусилова, вину за революцию возлагала на российскую бюрократию, юродствующую аристократию и либеральную интеллигенцию. «Сами виноваты, что их смели», — написала она в авторских комментариях к воспоминаниям. Последний министр финансов Российской империи П. Барк трагедию России видел во взаимной нетерпимости различных кругов русского общества, а «красный граф», вставший на сторону революции, А. Игнатъев обвинял «мозг армии», Генеральный штаб, оказавшийся не в состоянии ответить на вызов времени. Единственный, кто верил, что причиной гибели России стал заговор, был генерал-майор Ф. Рерберг. Как следует из книги С. Экштута, изучившего свидетельства современников, к революции привело взаимное отчуждение власти и общества, роковую же роль сыграли образованные люди. «Образованное общество из поколения в поколение привыкло с молодых лет негодовать на власть, именно ее и только ее обвиняя во всех без исключения отечественных бедах и несовершенствах. Общество обвиняло власть в „ужасных“ грехах и требовало покаяние. Ирония истории заключалась в том, что сами эти непримиримые критики власти были далеки от совершенства. ...Неизбывная драма русской жизни заключалась в том, что в течение всего XIX века верховная власть, не испытывая недостатка в критиках всех своих теоретических замыслов и практических действий, ощущала устойчивый дефицит в образованных и компетентных деятелях, способных к планомерной и систематической работе по обустройству России. В Российской империи имелся переизбыток бойких болтунов и недостаток опытных управленцев. В моде было самое настоящее интеллигентское кликушество, направленное против власти и выражающееся в судорожных выкриках, причитаниях, взвизгиваниях, бурной жестикуляции». В книге много колоритных подробностей унесенного потоком времени бытия: история мужа дочери Пушкина Марии, генерала Гартунга, не сумевшего жить по законам пореформенной России, что привело его к скамье подсудимых и к самоубийству; реформы в системе просвещения, циркуляры и уставы, вызвавшие студенческие бунты; симбирские связи двух семейств — Ульяновых и Керенских; юность Володи Ульянова, для которого сам процесс управления чужой волей был наслаждением, привычкой и потребностью; положение учителей, профессуры, крестьянства. Была ли возможность избежать русской смуты? Быть может, «если бы „энергия заблуждения“, присущая „молодой России“, была направлена не на демонстративный разрыв всех и всяческих связей с якобы „позорным и постыдным“ прошлым, а на созидательную работу в настоящем». С. Экштут приводит примеры такой созидательной деятельности. П. Менделеев, сумевший обустроить родовое свое имение и сделать успешную карьеру в Петербурге. Генерал-лейтенант В. Джунковский (московский губернатор), действовавший по принципу, что не население существует для власти, а власть для населения. Великий князь Александр Михайлович, инициатор создания сильного Тихоокеанского флота и флота Северного с военно-морской базой (Романов-на-Мурмане, Мурманск), зачинатель отечественной военной авиации. П. Перцев, инженер путей сообщения, ставший успешным предпринимателем, для которого деловая репутация была важнее прибыли, все

знали, что взятки (откатов) он не берет. И все-таки энергичных организаторов, способных затормозить и предотвратить затягивание могучей державы в водоворот Русской смуты, было слишком мало. С. Экштут находит ответ на вопрос, что надо было делать, чтобы избежать смуты. У А. Бенкендорфа: «Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надо, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа. Только тогда мера будет спасительна, когда будет предпринята самим правительством тихо, без шума, без громких слов и будет соблюдена благоразумная постепенность». У В. Ключевского: «Лучше было добровольно *дать* народу новый порядок, чем *уступить* поневоле, пойти на встречу желаниям, чем отступить перед требованиями». У А. Пушкина: «Молодой человек! если мои записки попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений». Заветы, которые не были усвоены ни обществом, ни властями. С. Экштут, специалист по добыванию закрытой информации из открытых источников, в одном из интервью говорит: «Моя сверхзадача — установить связь между далеко отстоящими фактами и показать, что на самом деле они близки. Я обращаюсь к прошлому в поисках ответа на какие-то проблемы сегодняшнего дня». Многие в этой книге сегодня звучат очень актуально.

**Игорь Виноградов. Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя.
М.: Вече, 2018. — 320 с. — (Вера и судьба).**

Со времен Белинского в творениях Гоголя видели сатиру на общество, на царящие в те времена нравы и пороки. Вслед за Белинским социальный подход к произведениям Гоголя подхватили и продолжили весь XIX век литераторы-западники, традицию эту активно развивали советские литературоведы. Репутация Гоголя как гениального бессознательного художника и неглубокого мыслителя, казалось, утвердилась окончательно. И только в наше время широко заговорили о Гоголе как о великом духовном писателе России и православном мыслителе-государственнике. Именно с этих позиций Игорь Виноградов, автор сопроводительных статей и комментариев Полного собрания сочинений и писем Гоголя (М.: Издательство Московской Патриархии, 2009–2010), рассматривает христианские основы художественного мирозерцания Гоголя. Знакомые произведения и персонажи предстают в другом свете: через прямые переклички с цитатами из Священного Писания, из трудов святителей, житийной литературы проявляются скрытые смыслы. Так, неудачи и потери запорожцев, истово исполняющих свой христианский долг — защиту Веры и Отечества, объясняются тем, что запорожцы не всегда соответствуют принятому ими на себя подвигу. Ведь говорил святитель Иоанн Златоуст: «Обыкновенные воины, хотя бы одержали тысячу побед, бывают... без всяких уз связаны сном и пьянством, без всяких смертоносных ударов и ран лежат как израненные». У Гоголя: хотя «вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови», она, однако, «и слышать не хотела о посте и воздержании», казаки «не налагали на себя никаких обетов, никаких постов; не обуздывали себя воздержанием» («Тарас Бульба»). В необычном ракурсе предстают похождения героев «Ночи перед Рождеством», где все грешат нарушением церковных установлений в один из самых строгих постов, в ночь, когда все православные должны сидеть дома и до звезды вообще не есть и лишь с наступлением сумерек позволить себе сочиво или кутью. «Вий» как стремление внушить современникам отвращение к нездоровому, греховному любопытству к демоническому миру и к миру греха в целом. Самое загадочное произведение Гоголя, «Женитьба», где нашли отражение и раздумья писателя о поиске путей спасения — в брачном союзе или монашестве, и увлеченность

А. Вильегорской, и случай с украинским философом Г. Сковородой, бежавшим из-под венца, и история библейского Самсона. «Игроки» как притча о нравах «цивилизованного мира». Апокалипсический «Ревизор», где в наказание за грехи Бог попускает чиновникам впасть в обольщение лукавого (беса Хлестакова), а настоящий Ревизор, которому они на Страшном суде должны дать за исполнение своего долга, — Бог. Тема неисполнения священных обязанностей государственной службы поднимается Гоголем и в «Записках сумасшедшего», и в «Шинели». Сочувствуя «маленькому человечку», вечным «титularным советникам», мы просто не знаем, что согласно указу российского правительства от 1809 года титулярный советник мог быть произведен в следующий служебный чин лишь при условии окончания университета или же сдачи соответствующих экзаменов по установленной программе, герои же Гоголя большей частью предпочитали «отлеживаться на кровати». «Деятельным бездельем» грешат герои «Мертвых душ», забывшие, что только полезный труд, радостное служение Отечеству и Богу — родник веселья. В эпоху начавшегося распада, когда «новой русской интеллигенции» приносить пользу России, работая в государственном учреждении, казалось позором, Гоголь призывал к государственному служению как к религиозному долгу. Он задумывал свои произведения с тем, «чтобы вместе и услаждение и назидательность была», чтобы помочь несовершенному человеку освободиться от соблазнов и прихотей, воскресить в себе высшее, духовное начало. В своей работе И. Виноградов обращается к статьям и незаконченным произведениям Гоголя, к его историческим штудиям (конспектам лекций по русской и мировой истории), к мемуарам и письмам современников, к бытовым реалиям гоголевского времени. Через все исторические штудии Гоголя проходит мысль о пагубности разделений и вражды. Наиболее чувствительной «болевой точкой» писателя в восприятии отечественной истории оставалось переживание бесконечных княжеских распрей, часто расторгавших русское и славянское единство. Размышления о недопустимости междоусобных распрей нашли отражение и в «Страшной мести», и в «Тарасе Бульбе», и «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Из взаимной неуступчивости Гоголь выводил необходимость установления на Руси монархии. Вот выдержки из статей Гоголя: «Все события в нашем отечестве, начиная от порабощения татарского, видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного...»; русская история «приобретает яркую живость только с началом императорского, объединяющего народ правления»; «государь... один может только... обратить в стройный оркестр государство...». Гоголь вместе с ближайшими своими друзьями стал одним из первых сотрудников С. Уварова, который сформулировал и заявил три принципа воспитания русского юношества: православие, самодержавие, народность (высшим проявлением последней была объявлена литература). Понятно, почему западники во главе с Белинским и Некрасовым отторгали философско-религиозные искания Гоголя. Еще до выхода в свет книги «Выбранные места из переписки с друзьями» в Петербурге была организована кампания по дискредитации гоголевской книги. Многократно прозвучавшее в книге утверждение о богоизбранности православной самодержавной России вызвало решительное неприятие «Писем» радикальной «общественностью», пережившее десетелетия. По настоянию цензора А. Никитенко, приятеля Белинского, из книги было исключено несколько глав, в том числе «Нужно любить Россию», «Нужно проезжаться по России». В этой книге предстает другой Гоголь, далекий от традиционных, восходящих к Белинскому трактовок, Гоголь — серьезный писатель, связанный глубинной духовной связью с православной традицией русской литературы и русского мышления.

Татьяна Соловьева. Архитектор А. А. Степанов. СПб.: Страта, 2018. — 96 с.; ил.

Жизнь и творчество талантливого архитектора Александра Александровича Степанова (1856—1913) долгое время оставались в забвении, а его работы либо приписывались другим зодчим, либо считались произведениями неизвестных авторов. Между тем работы Степанова, отличавшиеся высоким качеством и тонким вкусом, настолько значительны, что ставят его в ряд лучших архитекторов, творивших в Петербурге и России на рубеже XIX—XX веков. Он работал в модном тогда стиле эклектики (историзма), возводя новые здания и привнося в устаревшие архитектурные сооружения новые, не нарушавшие художественной гармонии зданий черты. Одним из лучших образцов эклектики является дом, построенный А. Степановым для итальянского подданного К. Гвиди (набережная реки Пряжки, 34). В 2001 году КГИОП включил здание в перечень «вновь выделенных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную ценность», что не помешало испортить его возведенной в том же году надстройкой. Петербургские аристократы ретиво реконструировали свои дворцы в соответствии с веяниями времени: укрепляли фасады, меняли интерьеры, большое внимание уделяли парадным лестницам, в то время считавшимися едва ли не главным украшением дома. А. Степанов по заказу герцога Лейхтенбергского переделывал под жилье аристократа старинный дом на Английской набережной, 44, известный как особняк Румянцева. Он придал новый импозантный вид в стиле ренессанс дому графа Рибопьера (ныне Советский переулок, 4) и для графа же, стоявшего у истоков олимпийского движения в России, на 2-й Красноармейской улице (ранее 2-я Рота) построил помещение, где «предположены спектакли Атлетического общества», то есть спортивные состязания. Самой значительной реконструкцией, выполненной А. Степановым, стали работы во дворце Юсуповых (набережная Мойки, 94), которые тщательно, но «с поспешанием» велись восемь лет. Мировой жемчужиной признан созданный А. Степановым интерьер домашнего театра Юсуповых. Анализ работ мастера, особенности оформления, технических решений, отношения с владельцами — все это есть в книге Татьяны Соловьевой. Последовательно она восстанавливает послужной путь архитектора. Еще обучаясь в Академии художеств (окончил в 1881 году), он начал служить в Комитете для разбора и призрения нищих. В 1889 году Степанову была поручена перестройка здания Комитета нищих (угол улицы Союза Печатников, ранее Торговой, и Английского проспекта). Сказочный дом, несмотря на небольшое количество лепных украшений, сохранился частично, ныне переделан под школьное здание. В 1893 году А. Степанов перешел на работу в Главное управление уделов (Литейный проспект, 39, дом, знакомый по строчкам Некрасова «Вот парадный подъезд»). Управление ведало всеми великокняжескими дворцами и домами как в черте города, так и за ее пределами. По долгу службы А. Степанов работал в Ливадийском дворце в Крыму, Екатерининском и Ревельском дворцах в Прибалтике, в имении Александрия. В соответствии с его замечаниями при его участии была построена набережная Ялты от имени Масандро до мола. Он часто ездил за границу для подготовки помещений к приему императорской фамилии, занимался устройством трибуны в Красном Селе по случаю приезда иностранных высочайших особ, оформлял парадные меню, которые составлялись к особо значимым случаям. По заказу Главного управления уделов построил комплекс зданий кондитерской фабрики «Жорж Борман», ныне фабрика им. К. Н. Самойловой (Английский пр., 14 — Писарева, 3). За свои труды был удостоен семи орденов. По крупицам Т. Соловьева собирала материалы о забытом архитекторе в библиотеках, музеях, архивах, ездила в Архангельское. Толчком к «расследованию» послужила книга В. Листова «Монигетти», в которой все работы по дворцу приписывались Монигетти,

и на протяжении ряда лет это было аксиомой. Но однажды она увидела в Эрмитаже акварели, где виды домашнего театра Юсуповского дворца были изображены сразу после переделки театра архитектором Монигетти и интерьеры не соответствовали тому, что было в 1980-х годах. Так, в 1980-е годы начался долгий путь к восстановлению имени архитектора А. Степанова в истории Санкт-Петербурга. Т. Соловьевой удалось отыскать и потомков архитектора, и его могилу на Смоленском кладбище. Увы! В годы перестройки при реставрации часовни Ксении Блаженной могилу архитектора уничтожили. Не все строения мастера дошли до наших дней, что-то погибло в Великую Отечественную войну, что-то перестроено, большинство чертежей, не принятых в свое время КГИОПом, семья Степановых, спасаясь в блокаду от холода, сожгла в буржуйке. И все-таки благодаря обширному материалу, собранному Т. Соловьевой, к нам вернулся мастер, который много сделал для процветания Санкт-Петербурга.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)